

Джоанн Флюк

Убийственные печеньки

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111.1
ББК 84(7Coe)-44
Ф73

Joanne Fluke

CHOCOLATE CHIP COOKIE MURDER

Copyright © 2000 by Joanne Fluke

«Candy for Christmas» copyright © 2006 by Joanne Fluke

Флюк, Джоанн.

Ф73 Убийственные печеньки / Джоанн Флюк; [перевод с английского Н. В. Рокачевской]. — Москва : Эксмо, 2026. — 416 с. — (Ток. Вкусная коллекция).

ISBN 978-5-04-243833-2

Ханне Свенсен хватает хлопот. В маленьком городке Лейк-Иден она управляет самой популярной кофейней «Печеньки к чаю». Вести бизнес нелегко, особенно когда на задворках собственного кафе находишь тело местного молочника с фермы «Милая буренка». И что еще хуже — с лучшим шоколадным печеньем в руке.

Такая реклама Ханне точно не нужна, но, к счастью, ее зять Билл — полицейский. И он соглашается не разглашать эту неприятную информацию в обмен на помощь в расследовании. В их городке убийства — редкость, и большого опыта у него нет. А вот с Ханной, особенно за чашечкой ароматного кофе с вкуснейшей выпечкой, местные жители с готовностью поделятся сплетнями. К тому же ее природное любопытство и страсть к детективам точно должны помочь ей распутать это странное дело.

Отбиваясь от нападков матери, пытающейся свести дочь со всеми холостяками городка, Ханна пускается в опасное детективное приключение, которое может стоить ей сладкой жизни.

УДК 821.111.1

ББК 84(7Coe)-44

© Рокачевская Н., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-243833-2

ГЛАВА 1

Ханна Свенсен накинула старую летнюю куртку, которую когда-то спасла из секонд-хенда «Добрые руки», нагнулась и подхватила огромного рыжего кота, трущегося о ее лодыжки.

— Ладно, Мойши. Можешь получить добавку, но до вечера это все.

Она отнесла кота на кухню, поставила миску на пол и тут же вспомнила день, когда он устроился у порога ее кондоминиума. Кот выглядел тогда откровенно жалко: грязный, со свалывшейся шерстью. Ханна не раздумывая забрала его. Интересно, кто еще согласился бы взять здорового полуслеплого кота с рваным ухом? Она назвала его Мойши, и хоть на выставке клуба кошатников Лейк-Идена он точно не получил бы ни одного приза, между ними мгновенно возникла связь. Оба они были изрядно побиты жизнью — Ханна после еженедельных стычек с матерью, Мойши после суровой жизни на улице.

Когда Ханна наполнила миску, Мойши довольно заурчал. Казалось, он по-своему благодарен, что больше не нужно выживать и искать еду, и постоянно это доказывал. Этим утром, например, Ханна обнаружила мышиную пятую точку прямо посередине кухонного стола, рядом с чахнувшей фиалкой, которую она вечно забывала поливать. Любая другая женщина на ее месте завизжала бы и позвала мужа, чтобы тот убрал эту гадость, но Ханна

просто взяла останки за хвост и похвалила Мойши за то, что он изгоняет грызунов.

— Увидимся вечером, Мойши.

Ханна ласково погладила кота и схватила ключи от машины. Она уже натягивала кожаные перчатки, собираясь выйти, как зазвонил телефон.

Ханна взглянула на настенные часы в виде яблока, купленные на гаражной распродаже. Было всего шесть утра. Неужели мать решила позвонить в такую рань?

Мойши оторвался от миски и посмотрел на Ханну с выражением, похожим на сочувствие. Он недолюбливал Долорес Свенсен и не скрывал своих чувств, когда та заявлялась к дочери без предупреждения. После пары разорванных колготок Долорес решила ограничить общение еженедельными ужинами по вторникам.

Ханна сняла трубку, оборвав автоответчик на полуслове, и вздохнула, услышав материнский голос.

— Привет, мам. Я уже выхожу, так что давай побыстрее. Я опаздываю на работу.

Мойши поднял хвост, тряхнул им и повернулся к телефону задом. Ханна еле сдержала смех, глядя на его выходки, и заговорщицки подмигнула.

— Нет, мам, я не давала Норману свой номер. Если он захочет со мной связаться, найдет в справочнике.

Когда мать затянула привычную песню о том, как надо привлекать мужчин, Ханна нахмурилась. Вчерашний ужин превратился в катастрофу. Когда она пришла к матери, там уже было два гостя: недавно овдовевшая соседка, миссис Кэрри Родс, и ее сын Норман. Ханне пришлось вести с ним светскую беседу за приторно-сладкой свиной по-гавайски и шоколадно-ореховым тортом из супермаркета, пока мамочки лучились от радости и перешептывались о том, какая они милая пара.

— Слушай, мам, мне правда пора...

Ханна замолчала и закатила глаза к потолку.

Когда Долорес входила в раж, вставить слово было невозможно. Мать свято верила, что женщина под тридцать обязана быть замужем, и, несмотря на все возражения Ханна, что ее и так все устраивает, это не мешало Долорес знакомить ее с каждым холостяком, вдовцом или разведенным мужчиной, ступавшим на землю Лейк-Идена.

— Да, мам. Норман кажется очень милым, но... — Когда мать продолжила расписывать достоинства Нормана, Ханна поморщилась. С чего вдруг она решила, что старшую дочь заинтересует лысеющий стоматолог, который старше ее на несколько лет и любит поговорить о болезнях десен? — Извини, мам, я правда опаздываю и...

Мойши, похоже, почувствовал, что хозяйка на взводе, и ловко перевернул миску рыжей лапой. Ханна удивленно уставилась на него, а потом расплылась в улыбке.

— Все, мам, бегу. Мойши опрокинул миску, весь пол в корме.

Ханна оборвала мать на полуслове, когда та завела тему о доходах Нормана, и повесила трубку. Затем смахнула корм, выкинула в мусорку и насыпала свежий. Добавила пару лакомств — награду Мойши за смекалку — и, пока он довольно хрустел, выскочила за дверь.

Ханна сбежала по ступенькам в подземный гараж, отперла дверь пикапа и забралась внутрь. Открыв собственное дело, она купила подержанный «Шевроле-Субурбан» у Сирила Мерфи. Выкрасила машину в кармельно-красный, чтоб уж точно привлекала внимание, где бы ни стояла, и заказала надпись золотом на дверцах: «Печеньки к чаю». И даже номер заказала индивидуальный: «ПЕЧЕНЬКА».

Выезжая на пандус, Ханна столкнулась с возвращавшимся домой соседом. Фил Плотник работал в ночную смену на «ДелРэй мануфакчуринг». Ханна опустила

стекло, предупредив, что с десяти до двенадцати отключат воду, и, приложив карточку к турникету, выехала с территории и свернула на север, на Олд-Лейк-роуд.

Мимо Лейк-Идена проходило шоссе, но местные обычно ездили в город по Олд-Лейк. Живописная дорога петляла вокруг озера Иден. Летом туристы путались в названиях. Ханна всегда с улыбкой объясняла: озеро называется Иден-Лейк, а городок на его берегу — Лейк-Иден.

Утром по-настоящему похолодало, что неудивительно для третьей недели октября. Осень в Миннесоте короткая — несколько недель листопада, когда все сходят с ума по багряным, оранжевым и желтым краскам. Облетит последний лист, оставив голые ветви на фоне свинцового неба, и подуют холодные северные ветра. А там и первый снег — детям в радость, а взрослые только вздыхают. Санки, коньки, снежки — это, конечно, весело, но зима — это еще и сугробы, которые надо чистить, почти полная изоляция, когда замает дороги, и температура, падающая до минус тридцати, а то и сорока.

Отпускники разъехались из Лейк-Идена сразу после Дня труда, вернувшись в уютные городские квартиры. Домики на берегу опустели: трубы утеплили, чтоб не замерзли в лютые морозы, окна заколотили досками от ледяных ветров с озера. Теперь тут жили только местные, и население Лейк-Идена, летом увеличивавшееся почти вчетверо, стало меньше трех тысяч человек.

Остановившись у светофора на углу Олд-Лейк-роуд и Дейри-авеню, Ханна заметила знакомую фигуру. Рон Ласаль стоял у молочной фермы «Милая буренка», загружая фургон товаром. К этому времени Рон уже развез продукцию постоянным частным клиентам, оставляя молоко, сливки и яйца в термоконтейнерах фермы. В Миннесоте без них никак: летом сохраняют прохладу, зимой — не дают замерзнуть.

Обхватив рукой подбородок, Рон задумчиво смотрел вдаль, будто размышляя о чем-то более серьезном, чем предстоящие заказы. Ханна увидится с ним позже, когда он привезет продукты, и мысленно пометила спросить, о чем он тогда думал. Рон гордился своей пунктуальностью, и фургон «Милой буренки» всегда подъезжал к черному ходу ее пекарни ровно в семь тридцать пять. Разгрузившись, Рон заходил в кафе на чашку кофе с теплым печеньем. Еще раз Ханна видела его в три часа дня, после окончания развоза. Тогда он забирал свой постоянный заказ — партию печенья. Рон оставлял его в фургоне на ночь, чтобы утром позавтракать.

Рон поднял голову, заметил ее на светофоре и помахал рукой. Зажегся зеленый, Ханна коротко библикнула и поехала дальше. С темными волнистыми волосами и мускулистый — на Рона было приятно посмотреть. Младшая сестра Ханны Мишель клялась, что Рон ничуть не хуже Тома Круза, и в школе сохла по нему. Даже сейчас, приезжая из колледжа Макалестер, Мишель всегда спрашивала о Роне.

Три года назад все ждали, что лучшего квотербека команды «Лейк-Иденские чайки» заберут в профессионалы, но в последней школьной игре Рон порвал связку, похоронив надежды на место в «Миннесотских викингах». Ханне иногда было его жаль. Вряд ли он мечтал развозить молоко. Но для местных он все еще был героем. В Лейк-Идене все помнили его победный тачдаун на чемпионате штата. Кубок стоял в стеклянной витрине в школе, а сам Рон на общественных началах тренировал «Лейк-Иденских чаек». Может, и правда лучше быть большой рыбой в маленьком пруду, чем третьим квотербеком, греющим скамейку запасных у «Викингов».

На улицах в такую рань никого не было, но Ханна следила, чтобы скорость не превышала двадцати пяти миль.

Местный блюститель порядка Херб Бизмен славился тем, что караулил нерадивых водителей, любящих нажать на газ. Ханну Херб никогда не штрафовал, а вот ее мать до сих пор злилась из-за штрафа, который выписал ей младший сынок Мардж Бизмен.

Ханна свернула на углу Мейн-стрит и Четвертой и заехала в переулок за своей пекарней. У квадратного белого здания было два парковочных места, и Ханна поставила туда машину. Она не стала отматывать провод от бампера и подключаться к розетке на стене. Светило солнце, по радио обещали около сорока градусов по Фаренгейту¹. До зимы с морозами, когда без подогрева двигателя не завестись, еще пара недель.

Выйдя из машины, Ханна тщательно ее заперла. Преступности в Лейк-Идене почти не было, но Херб Бизмен выписывал штрафы и за незапертые автомобили. Не успела она дойти до задней двери пекарни, как на маленькой синей «Тойоте» подъехала Клэр Роджерс и припарковалась у бежевого здания рядом.

Ханна остановилась, подождала Клэр. Девушка ей нравилась, поэтому она не верила слухам о романе с мэром.

— Привет, Клэр. Ты сегодня рано.

— Новая партия коктейльных платьев пришла, ценники надо повесить. — Классически красивое лицо Клэр озарила улыбка. — Скоро праздники.

Ханна кивнула. Мысль о Дне благодарения и Рождестве с матерью и сестрами ее не радовала, но ради семейного мира приходилось терпеть.

— Заходи как-нибудь, Ханна. — Клэр окинула ее оценивающим взглядом, заметив и потертую куртку, и старую вязаную шапку, натянутую на рыжие кудри. — У меня есть потрясающее маленькое черное платье, оно тебе очень пойдет.

¹ Около 4 °C.

Ханна улыбнулась и кивнула, но еле сдержала смех, когда Клэр отперла дверь «Бомонда» и скрылась внутри. Куда надевать коктейльное платье в Лейк-Идене? Коктейльных вечеринок никто не устраивал, а единственный приличный ресторан закрылся сразу после отъезда отпускников. Ханна не помнила, когда в последний раз ходила в ресторан. Да что там, когда ее вообще кто-либо приглашал.

Ханна отперла черный ход и толкнула дверь. В нос ударил сладкий аромат корицы и патоки, и она улыбнулась. Вчера вечером она замесила несколько партий теста, запах еще витал в воздухе. Она включила свет, повесила куртку на крючок у двери и зажгла две промышленные газовые печи у стены. Ее помощница Лиза Херман придет в половине восьмого, чтобы заняться выпечкой.

Следующие полчаса пролетели незаметно: Ханна резала, растапливала, отмеряла, смешивала. Методом проб и ошибок она поняла, что печенье вкуснее, если замешивать небольшие партии вручную. Все рецепты были ее собственные, придуманные еще подростком на маминой кухне. Долорес считала выпечку обузой и с радостью сбаврила это дело на старшую дочь, а сама вкладывала всю энергию в коллекционирование антиквариата.

Без десяти семь Ханна убрала последнюю миску с тестом в холодильник, загрузила посуду в промышленную посудомойку, сняла фартук и бумажный колпак и пошла в кафе заваривать кофе.

Кухню от кафе отделяла двустворчатая дверь, как в ресторанах. Ханна толкнула ее и вошла, зажигая старомодные светильники-глобусы, спасенные из закрывшегося кафе-мороженого в соседнем городке. Она подошла к витрине, отодвинула ситцевые занавески и оглядела Мейн-стрит. Ни души, слишком рано. Но Ханна знала: через час все стулья за маленькими столиками будут заняты.

«Печеньки к чаю» были местной достопримечательностью, куда приходили обменяться сплетнями и спланировать день за кружкой крепкого кофе со свежим печеньем с пылу с жару.

Сверкающая нержавеющейкой кофеварка радовала глаз. Наливая воду и отмеряя кофе, Ханна улыбнулась. Лиза вчера отдраила ее до блеска. Лиза была просто подарком судьбы и для пекарни, и для кафе. Она всегда замечала, что нужно сделать, и делала это, не дожидаясь просьб, даже придумала парочку рецептов. Очень жаль, что Лиза не пошла в колледж, получив стипендию, но у ее отца Джека Хермана диагностировали Альцгеймера, и Лиза решила остаться дома, чтобы ухаживать за ним.

Ханна достала из холодильника за стойкой три яйца, бросила их прямо в скорлупе в миску с молотым кофе. Тяжелой ложкой разбила яйца, добавила щепотку соли. Перемешав яйца со скорлупой и кофе, Ханна выскребла содержимое в корзину кофеварки и нажала кнопку.

Через пару минут кофе закипел, и Ханна с наслаждением вдохнула аромат. Нет запаха лучше, чем у свежесваренного кофе, и все в Лейк-Идене говорили, что у нее он самый вкусный. Ханна повязала симпатичный ситцевый фартук, в котором обслуживала посетителей, и нырнула обратно за дверь, чтобы дать Лизе указания.

— Лиза, сначала пеки «Хрустяшки с шоколадной крошкой».

Ханна тепло улыбнулась помощнице.

— Они уже в печи, Ханна. — Лиза оторвалась от стола, где ложкой для мороженого формировала идеальные шарики из теста и обваливала их в сахаре. Ей было всего девятнадцать, на десять лет меньше, чем Ханне, и ее миниатюрная фигура тонула в огромном белом фартуке. — Сейчас занимаюсь имбирным для банкета бойскаутов.

Ханна наняла Лизу официанткой, но быстро поняла, что та способна на большее, чем просто разливать кофе. Уже в конце первой недели Ханна перевела ее на полный день и научила печь. Теперь они работали вместе, как команда.

— Как сегодня твой отец? — участливо спросила Ханна.

— Сегодня хороший день. — Лиза поставила противень с имбирным печеньем на стеллаж. — Мистер Древлоу берет его в группу для пожилых при лютеранской церкви Святого Искупителя.

— Но вы же, кажется, католики?

— Католики, но папа этого уже не помнит. И вряд ли обед с лютеранами ему повредит.

— Я тоже так думаю. Ему полезно выходить, общаться с друзьями.

— Именно это я и сказала отцу Коултасу. Если Бог послал папе болезнь Альцгеймера, Господь поймет, что папа забыл, в какую церковь ходить. — Лиза подошла к печи, выключила таймер и достала противень с «Хрустяшками». — Как остынет, сразу занесу.

— Спасибо. — Ханна снова прошла через двойную дверь и отперла кафе. Перевернула табличку на «Открыто», проверила, хватает ли мелочи в кассе. Только она успела разложить пакетики с сахаром и сахарозаменителем, как к входной двери подъехала темно-зеленая «Вольво» не первой свежести.

Ханна нахмурилась — из машины вышла ее средняя сестра Андреа. Выглядела она сногшибательно: зеленый твидовый пиджак с политкорректным искусственным мехом на воротнике, светлые волосы собраны в блестящий пучок на макушке — хоть сейчас на обложку глянцевого журнала. Подруги говорили Ханне, что она тоже симпатичная, но достаточно было появиться Андреа, и Ханна чувствовала себя безнадежно провинциальной и неуклюжей.

Сразу после школы Андреа вышла замуж за Билла Тодда, помощника шерифа округа Уиннетка. У них росла дочь Трейси, которой в прошлом месяце исполнилось четыре. Билл был хорошим отцом, когда не на службе, но Андреа явно не создана для того, чтобы сидеть дома с детьми. Когда Трейси было полгода, Андреа решила, что семье нужен дополнительный доход, и пошла работать в агентство недвижимости «Лейк-Иден риэлти».

Звякнул колокольчик на двери, и Андреа ворвалась вместе с порывом холодного ветра, таща за руку Трейси.

— Слава богу, ты здесь, Ханна! Мне нужно показать объект, а я опаздываю в парикмахерскую.

— Сейчас только восемь, Андреа. — Ханна усадила Трейси на высокий стул у стойки и пошла к холодильнику за молоком. — Берти открывается в девять.

— Знаю, но она согласилась прийти пораньше ради меня. Сегодня утром я показываю старую ферму Петерсонов. Если продам, смогу заказать новый ковролин в спальню.

— Ферму Петерсонов? — Ханна потрясенно уставилась на сестру. — Кто захочет купить эту развалюху?

— Это не развалюха, Ханна. Это объект с потенциалом. А покупатель, мистер Харрис, может превратить ее в конфетку.

— Но зачем? — Ханна искренне не понимала. Ферма Петерсонов пустовала уже лет двадцать. В детстве Ханна ездила туда на велосипеде — обычный двухэтажный дом на нескольких акрах заброшенной земли, примыкавшей к «Милой буренке». — Покупатель твой, наверное, чокнутый. Земля там, считай, бесплодна. Старик Петерсон долгие годы пытался ее обрабатывать, а выросли только камни.

Андреа поправила воротник жакета.

— Клиент это знает, Ханна, и ему все равно. Его интересует только дом. Конструкция еще крепкая, и оттуда открывается прекрасный вид на озеро.

— Андреа, дом стоит в низине. Озеро видно только с крыши. Твой покупатель что, собирается лазить по лестнице каждый раз, когда захочет полюбоваться видом?

— Не совсем, но примерно так. Он сказал, что надстроит третий этаж и сделает там ферму выходного дня.

— Ферму выходного дня?

— Это загородный дом для городских, которые хотят быть фермерами, но не работать по-настоящему. Он наймет кого-то из местных ухаживать за животными и землей.

— Понятно.

Ханна еле сдержала усмешку. Следуя этой логике, Андреа была женой и матерью выходного дня: нанимала местную женщину убирать и готовить, а за Трейси смотрели няни и воспитатели.

— Присмотришь за Трейси, а, Ханна? — Андреа выглядела взволнованной. — Знаю, какая это обуза, но всего на час. «Детский уголок» открывается в девять.

Ханна хотела было высказать сестре все, что накопело. У нее свой бизнес, а не ясли. Но взглянула на умоляющее личико Трейси и передумала.

— Ладно, Андреа. Трейси поработает у меня, пока не пойдет в садик.

— Спасибо, Ханна. — Андреа развернулась и пошла к двери. — Я знала, что на тебя можно положиться.

— Я правда могу поработать, тетя Ханна? — спросила Трейси тихим голоском, и Ханна ободряюще улыбнулась.

— Да, можешь. Мне нужен официальный дегустатор. Лиза испекла партию «Хрустяшек с шоколадной крошкой», и я должна знать, можно ли его подавать клиентам.

— Ты сказала шоколад? — Андреа обернулась и нахмурилась. — Трейси нельзя шоколад. Она становится гиперактивной.

Ханна кивнула, но заговорщицки подмигнула Трейси.